АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА
Общественные институты и «система»

1. О терминах

Термин «общественный институт» можно определить следующим образом: общественный институт — внутрисоциальное образование, в преемственности поколений несущее специфический набор функций, которые другие общественные институты и люди поодиночке не могут выполнять либо вообще, либо с уровнем качества, необходимым для устойчивости общества и его развития.

Жизнь культурно своеобразных цивилизованных обществ в настоящем и в обозримой перспективе это, прежде всего, — взаимодействие друг с другом трёх общественных институтов: института государственности, института семьи и системы образования.

Для благополучного развития общества каждый из этих институтов должен выполнять естественные для него функции, в осуществлении которых он незаменим либо вообще, либо незаменим полноценно. Сбои или извращения функций в работе одного из них оказывают негативное воздействие и на другие, и соответственно — на жизнь общества в целом. Поэтому необходимо определиться в функциях, которые должны нести эти институты.

Государственность — субкультура *осуществляемого на профессиональной основе управления* делами общественной значимости на местах и в масштабах общества в целом.

Государство это — государственность в указанном смысле плюс население и территория, на которой проживает население и действует внутриполитическая власть соответствующей государственности.

Управление делами общественной значимости на профессиональной основе — главная характеристика государственности как общественного института. Всё остальное, что характеризует ту или иную исторически сложившуюся государственность, — только приложения к этому исторически непреходящему главному.

Семья — не «ячейка общества», как это утверждает марксизм, а образно говоря, — «зёрнышко», из которого вырастает общество. Изначально, в цивилизованных обществах именно институт семьи решал задачи 1) воспроизводства новых поколений биологического вида Человек разумный и 2) интеграции в общество каждого новорождённого в процессе его взросления, доминируя в *воспитании детей (в смысле выработки у них определённых нравственно-этических качеств, на основе которых строятся навыки поведения в обществе и общения с другими людьми)*. И в этом качестве семью не способен полноценно заменить никакой другой общественный институт (типа детских домов, пансионов, интернатов).

Поэтому одно из проявлений рабовладения — уничтожение института семьи в среде рабов. А извращение функций института семьи — неотъемлемый аспект процесса порабощения самобытных обществ, которое далеко не всегда осуществляется грубой военной силой, но может быть осуществлено в некоторых обстоятельствах и методом «культурного сотрудничества», т.е. путём модификации культуры порабощаемого общества так, чтобы культура, представляющая собой информационно-

алгоритмическую систему, в результате целенаправленной модификации стала работать на воплощение в жизнь интересов поработителя[1].

В прошлом функция *образования подрастающих поколений (в смысле освоения ими знаний и профессиональных навыков, позволяющих заниматься той или иной трудовой деятельностью в общественном объединении специализированного профессионального труда)* в подавляющем большинстве случаев также лежала на институте семьи, поскольку обучение профессиям было делом внутрисемейным. Однако развитие культуры выделило сферу образования, осуществляемого на основе профессиональной специализации учителей и ставшего если не обязательным, то достаточно массовым, в самостоятельный общественный институт[2].

Названные выше востребованные обществом функции (управление на профессиональной основе, воспроизводство населения и воспитание подрастающих поколений, их образование), порождающие общественные институты, — непреходящи на протяжении всей истории и предъистории человечества. Однако на протяжении всего этого доисторического и исторического времени все культурно своеобразные общества неоднократно меняли системы их самоуправления, т.е. способы своей социально-экономической организации, и каждая из систем оказывала своё воздействие на общественные институты.

Под системой понимается определённая по количественному и качественному составу совокупность функционально специализированных элементов, которые взаимодействуют друг с другом и внешней средой в русле некой алгоритмики. Т.е. система характеризуется своеобразным информационно-алгоритмическим обеспечением её функционирования, носителями которой являются элементы системы в совокупности.

Это определение достаточно универсально, поскольку основывается на функциональной специализации элементов системы и не обусловлено ни спецификой материальных носителей функций элементов, ни конкретикой разграничения каждого из них с другими компонентами системы.

Неизменность алгоритмики на протяжении исторически продолжительного времени характеризует социально-экономическую систему как устойчивое образование, вбирающее в себя исторически сложившиеся общественные институты и соответствующую информацию. Смена алгоритмики вследствие перехода власти над обществом к иной концепции организации жизни общества подразумевает изменение алгоритмики функционирования системы. При этом возможно изменение состава общественных институтов. Но и при сохранении прежнего состава общественных институтов интеграция каждого из них в новую — концептуально обусловленную — алгоритмику требует адаптации каждого из них к новой алгоритмике и освобождения его от алгоритмики прежней системы.

Т.е. в жизни общества для осуществления общественно полезного управления необходимо различать: 1) исторически сложившиеся общественные институты и тенденции к возникновению новых

[1] См., в частности, в материалах Концепции общественной безопасности (КОБ) работы ВП СССР «Мёртвая вода», «Печальное наследие Атлантиды», «Смута на Руси: зарождение, течение, преодоление...». Названные и другие материалы КОБ в её представлении ВП СССР опубликованы в интернете на сайтах: www.dotu.ru, http://www.m3ra.ru/, www.vodaspb.ru, http://subscribe.ru/catalog/state.politics.bkz.

[2] В связи с этим отметим, что один из журналов для родителей и учителей общеобразовательной школы в советские времена назывался «Семья и школа» — совершенно правильно, другое дело, чем систематически заполнялись его страницы.

общественных институтов, и 2) систему, в которой функционируют и взаимодействуют друг с другом общественные институты на основе информационно-алгоритмического обеспечения системы. В противном случае неизбежны сетования на тему «вместе с водой выплеснули и ребёнка», «целились в коммунизм, а попали в Россию» и т.п.

Вопрос о разграничении общественных институтов и «системы», об отношении к общественным институтам и об отношении к системе — это очень серьёзный и политически значимый вопрос, а не изощрение в словоупотреблении, чтобы как-то по-новому назвать и без того всем известные вещи. Это вопрос о точности словоупотребления и адекватности миропонимания, обуславливающих тот либо иной уровень безопасности жизни общества.

Всё дальнейшее — принадлежит к той проблематике, которую масонам понимать не положено по их статусу в системе. А неспособность понять это выражается в бесплодности дискуссий типа той, что опубликована в газете «Завтра»[1], когда люди отказываются называть разные явления характеризующими их именами и опираются на сложившиеся мыслительные штампы.

2. КОБ, общественные институты и библейская система

При взгляде с позиций ДОТУ *культуре как социальному явлению* можно дать следующее определение: культура — совокупность информации и алгоритмики, передаваемых в обществе от поколения к поколению в готовом к употреблению виде помимо генетического механизма биологического вида. Личностная культура — та доля культуры общества, которую освоил индивид, и его собственные наработки.

Как уже было отмечено выше, культуру общества следует рассматривать как информационно-алгоритмическую систему, которая выражается в его социально-экономической организации. Это означает, что вне зависимости от того, осознаю́т люди этот факт либо же нет, но всякая культура объективно несёт в себе направленность на достижение вполне определённых целей — иными словами определённых результатов развития общества на её основе, а равно и под её властью. То обстоятельство, что общество само порождает культуру и непрестанно её изменяет, большей частью не задумываясь о целях, на которые при этом люди вольно или невольно ориентируют и переориентируют культуру и субкультуры в её составе, существа дела не меняет.

Если соотносить культуру как информационно-алгоритмическую систему с полной функцией управления, начиная от первых этапов полной функции, то сформировавшаяся культура вторична по отношению к действующей концепции управления в том смысле, что именно культура формирует определённые стереотипы поведения и отношения к явлениям внутреннего и внешнего мира человека. При этом концепция управления сама представляет собой результат нравственно обусловленного переосмысления кем-то предшествующей культуры и выражающей её концепции управления — вне зависимости от того, сложилась та или иная культура как выражение некой равнодействующей коллективного

[1] Александр Проханов — Сергей Кургинян. КРАСНЫЙ ТРИУМФ НА ПЯТОМ КАНАЛЕ. Главный редактор газеты «Завтра» беседует с президентом Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр»: http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/10/886/21.html

бессознательного или представляет собой следствие осознанной концептуальной властности тех или иных персон или социальных групп. Но в отличие от концепции, которая может быть выражена относительно малочисленной (по отношению к обществу) группой «основоположников», культура — результат, в который вносит тот или иной вклад каждый член общества. Поэтому надо заботиться о том, чтобы не вливать свою «ложку «дёгтя», в бочку общего всем «мёда».

В настоящее время мы переживаем период, когда 1) библейский проект порабощения человечества от имени Бога утратил работоспособность и исчерпал свои возможности агрессии вследствие изменения эталонных частот биологического и социального времени[1], 2) альтернативно-объемлющая библейский проект Концепция общественной безопасности (КОБ) нашла своё лексическое выражение и распространяется в обществе, в том числе и за пределы России. Соответственно встаёт вопрос о взаимоотношениях в процессе вытеснения из жизни обществ библейской концепции — Концепцией общественной безопасности: 1) общественных институтов как таковых, 2) социально-экономической системы, сложившейся под властью библейской концепции, и отформатировавшей в соответствии с её требованиями общественные институты, 3) Концепции общественной безопасности и 4) людей, являющихся носителями всего названного.

При этом подавляющее большинство толпы и, тем более её «элитарная» составляющая, не осознают всей проблематики реализации полной функции управления в жизни обществ и различия концепций. Большинству свойственно пребывать во власти абстрактного гуманизма, не различающего концепций в силу калейдоскопического идиотизма, целенаправленно сформированного толпо-«элитарной» культурой, и в особенности семейным воспитанием и сферой образования как общественными институтами.

Это обстоятельство — определяющее характер стратегии освобождения общественных институтов из-под власти библейского проекта и библейской системы, а также из под власти иных толпо-«элитарных» проектов.

Толпарь, порабощённый той или иной традицией, в подавляющем большинстве случаев психологически (мировоззренчески, нравственно) не готов к восприятию информации концептуального характера, вследствие чего реагирует на неё и её распространителей либо скептически-нигилистически (не задумываясь о том, что нигилизм — выражение творческой импотенции, открывающей дорогу Злу), либо агрессивно. Однако при этом он в большинстве случаев хотел бы улучшить в жизни общества те или иные частности, в силу чего вопрос об улучшении тех или иных частностей для него интересен. Если он представитель таких общественных институтов как государственность и система образования, то в принципе он способен содействовать осуществлению частных улучшений, если видит в их успехе как минимум — отсутствие негативной реакции вышестоящего начальства, а как максимум — возможность осуществить карьерный рост или создать благообразный «имидж» в глазах окружающих.

Как неоднократно отмечалось в материалах КОБ, есть потребности и виды деятельности, суть которых не изменяется в зависимости от концепций, под властью которых живёт общество; есть потребности и виды деятельности, которые необходимы в одной концепции и запретны в

[1] См. работы ВП СССР «Мёртвая вода»; «Основы социологии» (в частности, гл. 11 «Безбудущность толпо-«элитаризма»).

другой; есть виды потребностей и деятельности, допустимость или недопустимость которых в той или иной концепции определяется сопутствующими обстоятельствами. Всё это носит конкретный характер и является основой для идентификации и разграничения в жизненной практике концепций и выражающего каждую из них реального управления.

Соответственно этому обстоятельству, стратегия освобождения общественных институтов из-под власти концепций толпо-«элитаризма» может осуществляться под видом *как бы* разрозненных действий, каждое из которых улучшает те или иные частности, но которые в совокупности ведут к освобождению общественных институтов из-под власти библейской системы и переходу их под власть КОБ. Благонамеренный толпарь о происходящем в большинстве своём догадаться не способен, а посвящённые лишены возможности публично обсуждать концептуальную проблематику по её существу в силу поработительного характера всех концепций толпо-«элитаризма», выявляемого с нравственно-мировоззренческих позиций КОБ.

Это означает, что посвящённые могут защищать библейский проект, только убирая с должностей своих подчинённых, чья благонамеренная деятельности в отношении улучшений тех или иных частностей, опознаётся посвящёнными как враждебная по отношению к концепциям толпо-«элитаризма», которым привержены посвящённые (пример тому бывший председатель Госдумы И.Рыбкин, который «прокололся» и допустил проведение парламентских слушаний по КОБ в 1995 г.). Такая стратегия защиты толпо-«элитарной» системы может быть эффективной только в том случае, если мало тех, кого приходится убирать с должностей под разными предлогами за фактическую нелояльность и разрушение господствующей системы.

Если же придётся убирать многих, то эта стратегия не работает, поскольку она плодит множество пострадавших за правду. Эти пострадавшие за правду разделяются на несколько потоков: деморализованные, опираться на которых противникам КОБ становится невозможным; убеждённые противники системы, от которой они пострадали, и часть из них под давлением обстоятельств будет вынуждена задуматься о смысле жизни, об обусловленности жизни обществ концепциями управления, о различии концепций и о своём концептуальном выборе. Из числа последних какая-то часть станет приверженцами КОБ.

Однако у какой-то части возникнет обида за то, что их употребили в тёмную, «подставили под бой», в результате чего они лишились ставшего привычным для них и их семей системно обеспеченного комфорта и т.п., реализовав в отношении них принцип «каждый в меру понимания работает на себя, а в меру непонимания — на тех, кто понимает больше». Но эта обида, по сути, носит демонический характер и сродни обиде чёрта на Вакулу, употребившего чёрта для поездки в Петербург в ночь под Рождество. Если индивид освободится от собственного демонизма — пройдёт и обида.

Осуществление стратегии освобождения общественных институтов из под власти толпо-«элитарных» концепций путём проведения в жизнь как бы разрозненных частных улучшений предполагает не проникновение приверженцев КОБ в исторически сложившуюся систему власти над общественными институтами и мимикрию в ней под «своего», а вхождение в общественные институты и деятельности в них на основе этических стандартов КОБ при соблюдении принципа «если не хочешь прослыть

лжецом, то не всем в степи рассказывай о высоких снежных вершинах»: т.е. каждому только правдивая информация по характеру такая, которую он способен принять без агрессии в отношении просветителя и которая ему необходима для разрешения его деловых и житейских проблем.

И успех большого дела общественной в целом значимости будет определяться не созданием новых структур, заявляющих о своей готовности снести старую толпо-«элитарную» систему под громкими и безсодержательными лозунгами типа «Так жить нельзя!», не митинговщиной и показухой себя, не яркой символикой того или иного общественно-политического движения, не разрешёнными или запрещёнными маршами и т.п., а кропотливой работой, вызывающей уважение и поддержку большинства людей.

И хотя проникать необходимо и в общественный институт государственности, и в общественный институт сферы образования, но приоритет — за проникновением в сферу образования, поскольку её выпускники приходят для работы во все сферы деятельности, включая и государственность, с теми знаниями и навыками, с тем миропониманием, которое сформировала система образования.

Анализируя роль культуры в жизни общества и в особенности последствия и характер появления в культуре той или иной ранее не известной в ней информации, можно придти к выводу, что исторически сложившиеся цивилизованные общества порождают **три уровня несвободы** индивидов.

Уровень первый. На нём пребывают освоившие некий минимум общеупотребительных социально значимых знаний и навыков, не умеющие самостоятельно осваивать (на основе литературы и иных источников информации) и производить «с нуля» новые для них знания и навыки.

Такие люди способны работать только в профессиях, не требующих какой-либо специализированной квалификации, или в массовых профессиях, которые можно без особых затрат труда и времени освоить на основе всеобщего образовательного минимума. Они — наиболее несвободны, поскольку практически не имеют свободного времени и не способны войти в иные сферы деятельности кроме тех, которые так или иначе освоили и в которых оказались, возможно, не по своей воле.

Уровень второй. Освоившие знания и навыки «престижных» профессий, в которых относительно непродолжительная занятость (каждодневная или эпизодическая) обеспечивает достаточно высокий доход, что позволяет иметь некоторое количество свободного времени и распоряжаться им по своему усмотрению. Они в своём большинстве также не умеют самостоятельно осваивать и производить «с нуля» новые для них знания и навыки, в особенности вне сферы их профессиональной деятельности. Поэтому их несвобода начинается тогда, когда освоенная ими профессия обесценивается, а они, не умея быстро освоить какую-либо иную достаточно высокодоходную профессию, скатываются в первую группу.

На этом уровне в культурах большинства цивилизованных обществ индивидам предоставляется доступ к знаниям и навыкам, которые позволяют им войти в сферу управления общественной в целом значимости, оставаясь при этом концептуально безвластными.

Термин «концептуальная власть» следует понимать двояко: во-первых, как тот вид власти, который даёт обществу *концепцию его жизни в преемственности поколений как единого целого* (т.е. определяет цели

бытия общества, пути и средства их достижения); во-вторых, как власть самой концепции над обществом.

Уровень третий. Умеющие самостоятельно осваивать ранее выработанные и производить «с нуля» новые для них и общества знания и навыки общественной в целом значимости и эксплуатировать их на коммерческой или какой-либо иной социально-статусной основе.

Их несвобода начинается тогда, когда они, не задумываясь об объективности Добра и Зла, о различии их смысла, впадают осознанно или неосознанно во вседозволенность и начинают творить объективно недопустимое Зло, в результате чего сталкиваются с потоком сдерживающих их активность тех или иных неподвластных им обстоятельств — вплоть до убийственных. Эти факторы могут быть как внутрисоциальными, так и общеприродными, и могут иметь масштаб как личностный, так и более широкий — вплоть до глобального.

Выход на этот уровень обусловлен освоением в том числе и управленческих знаний и навыков, включая и те, которые необходимы для обретения и осуществления концептуальной властности.

В условиях обществ, в которых население подразделяется на простонародье и правящую «элиту», *в которой из поколения в поколение воспроизводится ещё более узкая социальная группа, несущая ту или иную эзотерическую традицию,* выход на этот уровень блокируется системой как всеобщего, так и «элитарного» образования. Выход на него возможен либо самочинно (к этому способны редкие самоучки), либо вследствие принадлежности к определённым кланам эзотеристов или избрания этими кланами индивида для включения его в свои ряды. Эта блокировка носит не спонтанно-естественный характер, а представляет собой целенаправленно выстроенный системообразующий культурологический фактор, в действии которого выражается защита своей монополии на концептуальную властность тех или иных клановых группировок, которая позволяет им эксплуатировать остальное — *управленчески недееспособное* — общество в своих интересах.

Уровень обретения свободы — один единственный: человек, действуя по совести, осознаёт объективное различие Добра и Зла, их смысл, и на этой основе, приняв сторону Добра, обретает способность осваивать самостоятельно и производить «с нуля» новые для него и общества знания и навыки заблаговременно или же в темпе развития ситуации. По этой причине он обретает независимость от корпораций, монополизировавших те или иные социально значимые знания и навыки, на которых основывается социальный статус их представителей.

Отметим, что в религиозном миропонимании совесть — врождённое религиозное чувство человека, «подключённое» к его бессознательным уровням психики; на её основе строится диалог человека и Бога, если человек не уклоняется от этого диалога сам, и в этом диалоге Бог даёт каждому доказательство Своего бытия в полном соответствии с принципом «практика — критерий истины». Именно по этой причине совесть в религиозном миропонимании является средством разграничения объективных Добра и Зла в конкретике непрестанно текущей жизни общества, а добрый человек — человек живущей под властью диктатуры совести. И только он — свободен: объективно так сложилось, что слово «свобода» в русском языке — аббревиатура — **С**+овестью **ВО**+дитетельство, **БО**+гом **ДА**+нное. В атеистическом миропонимании природа и источник совести не познаваемы, хотя факт активности её в

психике многих людей некоторыми школами атеистической психологии признаётся.

О совести и свободе в указанном смысле можно говорить как о само собой разумеющемся факте, не вдаваясь в обсуждение вопросов богословских традиций исторически сложивших концепций вероисповедания, если обстоятельства к этому не располагают; либо если приходится объяснять эту проблематику атеистам-материалистам, для которых обращение к богословским вопросам — заведомый признак неадекватности собеседника, или атеистам-идеалистам, для которых несогласие собеседника с принятой ими традицией вероисповедания — заведомый признак одержимости и сатанизма.

Выход на этот уровень свободы обеспечивает освоение диалектики в изначальном значении этого слова: диалектика — искусство постижения истины путём постановки определённых вопросов и нахождения ответов на каждый из них[1]. Это определение можно систематически повторять, каждый раз иллюстрируя выражение диалектики в решении тех или иных познавательно-творческих задач в любой сфере деятельности общества, в любой отрасли науки, так чтобы собеседник сам втянулся в процесс познания и творчества на основе диалектики и мог бы после этого входить в него произвольно по мере возникновения у него потребностей.

Искусство диалектики — плохо формализуемо в силу того, что всякий раз оно выражается в нюансах неповторимой конкретики жизненных обстоятельств его применения. Тем не менее, именно оно, вне зависимости от степени его осознанности индивидом, является основой познания и творчества. По своей сути оно представляет собой навык созидательного разрешения неопределённостей и по причине дискретного характера мировоззрения и миропонимания людей и потому является генетически запрограммированным навыком, однако, не автоматически возникающим, а взращиваемым в процессе личностного развития.

Оно лежит в основе выработки всех знаний и навыков, в том числе и необходимых для освоения концептуальной власти, направленной на освобождение остального общества из-под власти невежества на трёх выше названных уровнях несвободы. Вне диктатуры совести искусство диалектики вырождается в так называемую «дьявольскую логику», в которой аксиоматика и правила меняются по мере необходимости в тех пределах, которые допускают оппоненты приверженца «дьявольской логики».

Если об искусстве диалектике напоминать и показывать его роль в обретении свободы личностью и обществами, то у достаточно большой части аудитории возникнет интерес к тому, чтобы его освоить и пользоваться им в жизни.

Если говорить о праведных тенденциях общественного развития, то они направлены на то, чтобы все люди к началу юности выходили на уровень свободы в том смысле, как это определено выше. На это должна быть направлена и политика государства и прежде всего — в сфере образования и воспитания подрастающих поколений. В противном случае общество *людей без стыда и совести*, пребывающих на трёх уровнях несвободы, не

[1] «Советский энциклопедический словарь» (1987 г.) в статье, посвящённой Сократу (около 470 — 399 гг. до н.э.), характеризует его следующими словами: «один из родоначальников ДИАЛЕКТИКИ, КАК МЕТОДА ОТЫСКАНИЯ ИСТИНЫ ПУТЁМ ПОСТАНОВКИ НАВОДЯЩИХ ВОПРОСОВ» (выделено заглавными нами — авт.). Поскольку все вопросы обусловлены конкретикой жизни, то формалистика — чужда диалектике и представляет собой инструмент подмены диалектики той или иной логикой.

может быть ни демократическим, ни суверенным. Оно обречено быть не хозяином самому себе, а заложником обстоятельств, возникающих не по его воле.

Дело в том, что концептуальная власть — начало и конец всех внутрисоциальных контуров циркуляции управленческой информации в обществе. По своей природе концептуальная власть самовластна и носит надгосударственный и надзаконный характер. Поэтому, если знания и навыки, необходимые для обретения *концептуальной властности как свойства личности* доступны в обществе всем, то злоупотребления каким-либо видом власти со стороны тех или иных меньшинств в этом обществе оказываются невозможными. Если же такого рода знания и навыки узурпированы и стали монопольным достоянием какой-либо «элитаризовавшейся» социальной группы, то все остальные оказываются под её властью до тех пор, пока не выработают в себе знаний и навыков, необходимых для того, чтобы сделать неработоспособной ту концепцию, власть которой их поработила и угнетает.

Соответственно в сфере образования деятельность приверженцев КОБ должна быть направлена на выведение как можно большего количества обучаемых на уровень свободы, а не на прямую борьбу с приверженцами «болонского процесса», ЕГЭ и т.п.. В случае успеха в деле пробуждения интереса учеников к освоению искусства диалектики, освоившие диалектику сами преодолеют все негативные последствия реформы системы образования в духе «болонского процесса» и, обретя концептуальную властность, сами выстроят социально-экономическую систему на основе КОБ и выражающую её культуру, в которой общественные институты будут нести должные им функции.

Внутренний Предиктор СССР
12 — 17 ноября 2010 г.